

- ¹⁴ *Blume S.* Sociology of sciences and sociologies of science // Perspectives in the sociology of science. – Chichester: N.Y.; Brisbane; Toronto: Willy & Sons, 1977. – P. 2.
- ¹⁵ *Whewell W.* The Philosophy of the Inductive science. – N.Y.; L.: Johnson Reprint Corporation, 1967. – V. 2. – P. 65.
- ¹⁶ См.: *Серов Ю.Н.* Концепция «предположительного» знания Поппера // Позитивизм и наука. – М.: Наука, 1975; *Мамчур Е.А.* Проблема выбора теории. – М.: Наука, 1975; *Лекторский В.А.* Субъект. Объект. Познание. – М.: Наука, 1980.
- ¹⁷ *Popper K.R.* The Logic of Scientific Discovery. – N.Y.: Science Editions, 1961. – P. 28.
- ¹⁸ Там же. – P. 60.
- ¹⁹ Там же. – P. 84.
- ²⁰ Там же. – P. 86.
- ²¹ *Popper K.R.* Conjectures and Refutations. – N.Y.; Evanston: Harper Torch books, Harper & Row Publishers, 1968. – P. 225.
- ²² Там же. – P. 46.
- ²³ Там же. – P. 50.
- ²⁴ Там же. – P. 57.
- ²⁵ *Popper K.R.* Objective Knowledge. – Oxford: Clarendon-Press, 1972. – P. 73.
- ²⁶ Там же. – P. 166.
- ²⁷ См.: *Merton R.* The sociology of science. – Chicago; L.: The Univ. of Chicago Press, 1973; *Laudan L.* Science and Values –Berkeley; Los Angeles; L.: Univ. of California Press, 1984.
- ²⁸ *Кун Т.* Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1977. – С. 11.
- ²⁹ См.: *Masterman M.* The nature of a Paradigm // Criticism and the Growth of Knowledge. – Cambridge: Univ. Press. 1970. – P. 59-91.
- ³⁰ *Ziman J.M.* Public knowledge. – Cambridge: Univ. Press, 1968. – P. 2.
- ³¹ *Merton R., Gaston J.* The sociology of science in Europe. – L.; Amsterdam: Southern Illinois Univ. Press, 1977. – P. 9.
- ³² *Laudan L.* Progress and its Problems. – Berkeley; Los Angeles; – L.: Univ. of California Press. 1977. – P. 11.
- ³³ *Ziman J.M.* Указ. соч. – P. 10.
- ³⁴ *Laudan L.* Science and values. – Berkeley; Los Angeles; L.: Univ. of California Press.1984. – P. 62.

М.Ю. БИЛАОНОВА

ГЕРМЕНЕВТИКА И ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ*

Герменевтический подход и его методологические решения, осознанно или нет, применяются практически каждым исследователем-гуманитарием, столкнувшимся с проблемой интерпретации. Имея дело с текстом, историческим источником, мы пытаемся понять автора, его точку зрения и передать ее в культуру современным языком, при этом стремимся понять и раскрыть историческую обстановку, жизненные реалии, в которых бытийствовал и формировался автор. Авторское видение событий детерминировано определенной культурной средой, политической ситуацией, нравственной и мировоззренческой позицией. И задача исследователя – «понять» чужое слово. Герменевтика имеет целью «установление ценностных, диалогических отношений понимания, сознания, сочувствия, соучастия»¹.

Следует отметить, что гуманитарий своими интерпретациями исторических текстов берет на себя обязательства точного истолкования, понимания, верных интерпретаций (условно верных, т.к. они никогда не лишены признаков субъективных оценок). Так, философские тексты древних мыслителей являются важнейшими духовными источниками современной культуры. Из них мы узнаем о содержании философских идей, концепций. Без текстов изучать историю философии (и историю науки вообще) просто не-

* Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект №06-03-00245а.

возможно. Безусловно, прав профессор Алексеев А.П. обозначивший высокий статус философского текста как целостного многоаспектного феномена, реализующего логико-гносеологическую, прагматическую, этическую и эстетическую функции².

Анализ источников и литературы показывает, что механизм истолкования текстов, исторических фактов, событий представлен по-разному разными авторами. В работе А.П. Алексеева путь к тексту пролегает «через аргументацию, рефлексию над философской аргументацией, осознание ограниченного значения собственно аргументации в философии, «обнаружение» парааргументации и аргументационного ресурса текста, роли идеи как специфического понятийно-высказывательного комплекса, содержащего ценностные, «достижительные» и «инструктивные» составляющие, необходимости сравнений и метафор, которые не могут быть низведены до статуса «неразвернутых аналогий»³.

Ф. Шлейермахер представил герменевтику как универсальную теорию истолкования текста-памятника. Памятники – это тексты, которые отделены от ученого большой временной, исторической, культурной, языковой дистанцией. Эта дистанция есть барьер в истолковании текста, препятствующий освоению смысла памятника. В ситуации непонимания исследователю на помощь приходит герменевтика. Ее приемами текст – эта «застывшая речь», начинает открывать свои тайны, возникает диалог между интерпретатором и текстом. Важно то, что у Шлейермахера грамматическая интерпретация (интерпретация факта языка) и психологическая (интерпретация факта мышления) являются «полностью равнозначными», дополняющими одна другую. Шлейермахер считал достижимым понять автора или его текст лучше, чем он понимал себя, когда создавал этот источник («ибо в нем он говорит не только то, что хочет, но и то, чего не хочет»). То, что скрыто от автора, может открыть интерпретатор с позиции новой исторической реальности. Однако фигура интерпретатора должна быть соразмерна фигуре автора, и только в этом случае интерпретатор сможет понять авторский замысел. Ф. Шлейермахер разработал процедуру интерпретации: 1 – принцип герменевтического круга; 2 – принцип диалога; 3 – принцип конгенитальности.⁴ Первый принцип заключается в том что, чтобы понять целое надо понять его отдельные части, но для понимания отдельных частей необходимо иметь представление о смысле целого. Принцип диалога заключается в том, что интерпретатор и текст ведут своеобразный диалог: текст уже содержит ответы и нужно только правильно подобрать вопросы. Последний принцип базируется на таланте исследователя – интерпретатора.

Для В. Дильтея герменевтика – это часть грандиозного методологического проекта, цель которого состоит в обосновании значимости историко-гуманитарного познания («наук о духе»). «Понимание» трактуется при этом как та процедура, благодаря которой «жизнь» вообще может быть прояснена и осмыслена. Согласно Дильтею, операция понимания становится возможной благодаря способности, которой наделено каждое сознание, проникать в другое сознание не непосредственно путем переживания (*re-vivre*), а опосредованно, путем воспроизведения творческого процесса исходя из внешнего выражения.⁵ В принципе герменевтического круга выделяется и такой аспект: понимание текста как проявление жизни творческого индивида возможно при условии понимания духовного мира соответствующей эпохи, что в свою очередь предполагает понимание оставленных этой эпохой «жизне-

проявлений». Каждый, кто пытается понять, должен учитывать чувства тех людей и их понимания.

Поль Рикер под герменевтикой понимает теорию операций понимания в их соотношении с интерпретацией текста: слово герменевтика означает не что иное, как последовательное осуществление интерпретации. Под последовательностью он подразумевает слово. Если истолкованием называть совокупность приемов, применяемых непосредственно к определенным текстам, говорит Рикер, то герменевтика будет дисциплиной второго порядка, применяемой к общим правилам истолкования. Понимание – искусство постижения значения знаков, передаваемых одним сознанием и воспринимаемых другим сознанием через их внешнее выражение (жесты, позы, речь). Цель понимания – совершить переход от этого выражения к тому, что является основой интуиции знака, выйти вовне через выражение⁶.

Существенный вклад в развитие герменевтики привнес Г.–Г. Гадамер. Он противопоставил абстрактному мышлению науки здравый смысл, язык, игру, эстетический вкус, сообразительность и образованность. Гадамер широко определяет герменевтику как искусство взаимопонимания между людьми, социальными группами, между настоящим и прошлым и т.д. Процесс понимания является, прежде всего, характеристикой языка и протекает в форме диалога людей. Разговор это не просто множество монологов, среди которых побеждает наиболее яркий и убедительный. Он также не сводится к простому пониманию мысли другого. В разговоре возникает некое общее поле, выражающее суть дела.⁷ Гадамер пишет об опыте переговоров и взаимопонимания, считая важными идеи об опыте и знании Аристотеля и Платона, принимая во внимание феноменологию духа Гегеля, где опыт связан с сомнением, поворотами сознания, с практическим отношением к миру. Для него опыт есть динамический и рефлексивный процесс, который воздействует на самого себя и на мир. В опыте важна открытость иному, человек с богатым жизненным опытом лучше приспособлен к восприятию новых фактов, он готов услышать другого. Подлинный опыт, по Гадамеру, тот, в котором человек осознает свою конечность, а понимание оказывается формой этического действия. Гадамер искал структуры понимания и обратился к опыту искусства и истории. Произведение искусства не удастся исчерпать в понятии, и опыт истории неисчерпаем понятиями. Находясь внутри события, мы не знаем, что с нами случается и лишь, оглядываясь назад, понимаем, что произошло. Гадамер выделил предпонимание – как определяющуюся традицией предпосылку понимания, как условие понимания. Горизонт понимания образуется совокупностью предрассудков и «предсуждений», обусловленных традицией. Традиция связывает историю и современность. Философ пишет: «Понимание можно мыслить не так, как действие субъективности, а как возвращение к традиции, в которой прошлое и настоящее постоянно содействуют друг другу»⁸. Гадамера обвинили в консервативности, в попытке возрождения исторических традиций и предрассудков.

В западной философии герменевтика уже не воодушевляет исследователей как универсальная методология; она сохраняется как локальная (региональная) практика анализа исторического процесса, как элемент философских методов. Поль Рикер предложил идею дополнительности герменевтики как метода исследования прогрессивного развития культурных смыслов. Альтернативный герменевтике подход предлагает голландский философ Ф.Р. Анкерсмит. Он утверждает необходимость рассмотрения внутреннего

мира ученого, его мыслей, чувств, переживаний и их роли в процессе написания истории.

Анкерсмит говорит, что фактически в теоретической сфере исторической науки сложилась кризисная ситуация. Все известные на сегодняшний день методы исторического исследования не просто не могут дать историку исчерпывающего знания о прошлом, но вообще лишают его возможности даже прикоснуться к нему. По мнению Анкерсмита, классическая научная традиция утверждает, что историку прошлое недоступно, поэтому историческая теория обесмысливает его деятельность. Если раньше в анализе культурных процессов на первый план выходили исторические тексты, язык исторических сочинений, то Анкерсмит предлагает отказаться от помощи языка в интерпретации исторических событий и обратиться к непосредственному опыту восприятия прошлого. Философские принципы науки, сформулированные в 17-19 вв. привели к тому, что стал невозможен и немислим контакт с реальностью, не опосредованный разумом, категориями рассудка, теорией, правилами и языком. Возникает необходимость в разработке новых методов, при помощи которых субъект может изучать объект и получать истинное знание. Такими методами в гуманитарных науках выступают герменевтика и структурализм. Анкерсмит в своей работе доказывает, что эти методы бесполезны и их без сожаления можно «смело сдать в лавку интеллектуальных древностей»⁹. Одним из фундаментальных положений, формулируемых автором, является мысль, что не существует самого объекта, на исследование которого нацелены герменевтика, структурализм и другие подобные методики. Эпиграфом к своей работе Анкерсмит взял высказывание Б.Спинозы: «Кроме этих двух родов познания существует, как я покажу впоследствии, еще третий, который будем называть знанием интуитивным. «Этика». Часть вторая. Теорема 40. Схолья II»¹⁰.

Основным пороком герменевтики, структурализма, семиотики и других методик Анкерсмит считает «лингвистический трансцендентализм», т.е. плененность проблемой языка. Как ни различны данные методики, их роднит общая установка – единственное, что доступно исследователю, это язык и никакое соприкосновение с прошлой реальностью невозможно. Автор считает, что значение никогда не следует приписывать самому тексту, как если бы текст состоял из слов, предложений, а сверх этого имелась бы особая вещь – «значение текста». Он убежден, что значение возникает только тогда, когда читатель не просто прочитал, а, скорее, «воспринял» текст и после этого сконструировал репрезентацию текста в соответствии со своим жизненным опытом чтения. Значения текстов существуют только в нас самих.

Работа Франклина Рудольфа Анкерсмита¹¹ еще не стала известной в отечественном философском сообществе, т.к. вышла тиражом всего 500 экземпляров, однако за рубежом воспринимается как крупное философское произведение, некий критический поворот в развитии исторической теории, поэтому представляется необходимым конспективное изложение материала, чтобы позиция Анкерсмита была прояснена. Во введении автор формулирует основную задачу книги – реанимировать понятие опыта, исследовать и объяснить параллелизм в развитии историописания и философии, показать чему историописание может научить философа. Неожиданно звучит тезис, что «существует «интеллектуальный опыт» и что наш разум не хуже, чем наши глаза, уши и пальцы, может работать как вместительница опыта».¹² В то же время, автор предупреждает о невозможности редуциро-

вать интеллектуальный к каким-нибудь сложным комбинациям ощущений. Скорее всего, уместно сравнение с предметами интеллектуального опыта К. Поппера в теории «третьего мира – мира идей», в качестве неуловимой, всепроникающей субстанции. Анкерсмит называет свой проект «интеллектуальным эмпиризмом». Исторический опыт – это то, как мы воспринимаем прошлое и как этот опыт прошлого возникает в момент одновременного раскрытия и восстановления прошлого. «Вначале исторический опыт приводит нас к раскрытию прошлого как реальности, которая однажды каким-то образом «оторвалась» от безвременного настоящего. В этом заключается «момент утраты». Но вместе с тем исторический опыт стремится к восстановлению прошлого, снова преодолевая барьеры между прошлым и настоящим. И это можно было бы охарактеризовать как «момент желания и любви»... «Возвышенный характер исторического опыта происходит из этого парадоксального союза чувств любви и утраты, то есть из сочетания удовольствия и боли, определяющего наше отношение к прошлому»¹³.

Данная установка порождает некоторые следствия. Так, историописание оказывается «золотой жилой» для философов, «они уйдут от стремлений к истине и займутся рассмотрением опыта» – хотя традиционно опыт рассматривается как слуга истины. Кроме того, с необходимостью потребуются реорганизация философии истории, ибо современная историософия базируется на достижениях философии языка («нет ничего вне текста»). Анкерсмит критически осмысливает концепции герменевтики, деконструктивизма, (пост)структурализма, семиотики. Решительно отвергая теорию, он занимается реабилитацией романтического мира чувств и настроений, определяющих наше отношение к прошлому.

Первые две главы этого объемного труда посвящены реабилитации опыта через критику лингвистического трансцендентализма Рорти. Это отправная точка. Анкерсмит ставит проблему исторического опыта в контексте современных философских дискуссий. В третьей главе обсуждается понятие исторического опыта Хейзинги, а в четвертой – излагаются взгляды на исторический опыт Гете и Гердера, Эйхендорфа, Буркхардта и Бенямина. Пятая глава посвящена вопросам современности, которые рассматриваются через контекст гадамеровской концепции опыта.

Представляется, что Г.–Г. Гадамер оказался основным собеседником Анкерсмита и вся аргументация строится вокруг него. Цитируя самого автора, итоги дискуссии сводятся к следующим утверждениям: 1) «для правильного отношения к понятию исторического опыта, нам понадобится смелость, чтобы развести между собой истину и опыт»; 2) такая «антикогнитивистская концепция опыта» автоматически «снимает вечные колебания между историзмом и универсализмом, вызываемые проблемой объективности»; 3) следует «принять концепцию опыта, которая не предполагает существование субъекта опыта»; 4) «возвышенный исторический опыт с точки зрения определенных культурных и цивилизационных контекстов возможен в отсутствие каких-либо субъектов опыта»¹⁴.

В шестой главе Анкерсмит вновь обращается к Гадамеру и его работе «Истина и метод», обсуждая соотношение эстетического и исторического опыта. Делается вывод о преимуществе прагматического эстетического опыта в понимании исторического опыта. Если первые шесть глав являются по характеру теоретическими, то далее Анкерсмит дает практическую иллюстрацию способа обращения с понятиями исторического опыта. Это капрично Франческо Гварди и орнамент рококо. Эти примеры служат показателем

природы исторического опыта. Они пережиты автором, прочувствованы и использованы в качестве аргументации. Далее в книге Анкерсмита (8 глава) показано, как понятие исторического опыта поможет лучше осмыслить природу исторического сознания на Западе, понять «опыт разрыва» с прежней идентичностью¹⁵.

Голландский философ в своей работе показал кризисные явления, которые в целом характерны для современной науки. Наука, в современном смысле этого слова возникла в 17 веке как противопоставление теологии и схоластике. Ее отличала ориентированность на истину и вера в возможность достижения знания, которое бы соответствовало действительности. Другой важной особенностью науки стал закон достаточного обоснования, т.е. фундаментализм. Ничего не должно браться на веру. Кроме вышеназванного, еще одной специфической особенностью классической науки стало создание эталона научного знания, на который бы равнялись все науки. И, наконец, наука объявила себя самодостаточной областью, не зависящей от социально-экономических, политических, мировоззренческих и других условий.

Интенсивное развитие науки в 19-20 вв. привело к парадоксальным результатам. Многочисленные экспериментальные данные показали, что реальность не укладывается в теорию. Стало очевидно, что философские основания фундаментальной науки абсурдны. Например, теория относительности А. Эйнштейна, смоделировала такое устройство Вселенной, которое противоречит здравому смыслу (пространство одновременно ограничено и постоянно расширяется). В квантовой механике Н. Бора принцип дополнительности допускает принятие за истину два противоположных положения, а в самой точной из наук математике не работает логический закон «исключенного третьего». Обнаружены такие задачи, которые могут иметь не только положительный и отрицательный ответ, но и множество промежуточных. Стало очевидно, что возможности разума ограничены, истины не существует, следовательно невозможно доказать философские основания естествознания. Математика и физика перестают быть эталоном для остальных наук. Утрачивается социокультурная автономия научного знания. Вера, иррациональное начало превращается в науку. В результате ученые вернулись к тому, от чего отказались в 17 веке – к «протонауке» Античности и Средневековья, в которой рациональное и иррациональное неразрывно связаны и определяют друг друга¹⁶.

В современной науке существует две мыслительные традиции, одна из которых восходит к рационалистам 17 века и утверждающая, что возможности познания человека безграничны. Другая традиция возникла еще в Античности, один из ярких представителей которой является Аристотель, который считал, что истинное знание о мире невозможно, так как мир – это материя, пребывающая в процессе постоянного становления. Окончательное знание возможно только о форме, как о чем-то завершенном. Эти две тенденции взаимоисключают друг друга, при этом ни одна не является самодостаточной. Как пишет Анкерсмит, в историописании должна быть золотая середина между опытом и методом. Избыток одного нуждается в дополнительном внедрении другого. Возвышенный исторический опыт – это всего лишь первый этап в творчестве ученого, за которым следует собственно научная деятельность, когда субъект отделяется от объекта и процесс познания строго регламентирует методология.

Примечания

- ¹ Сузи В.Н. Герменевтика: история и концепции. – Петрозаводск, 2005. – С. 3.
² Алексеев А.П. Философский текст: идея, аргументация, образы. – М.: Прогресс – Традиция, 2006.
³ Там же. – С. 7-8.
⁴ Вольский А.Л. Фридрих Шлейермахер и его герменевтическая теория. // Шлейермахер Ф. Герменевтика. – СПб., 2004. – С. 13.
⁵ Поль Рикер. Герменевтика. Этика. Политика. – М., 1995. – С. 4.
⁶ Поль Рикер. Герменевтика. Этика. Политика. – М., 1995. – С. 3.
⁷ Гадамер Г.-Г. Язык и понимание // Актуальность прекрасного. – М., 1991. – С. 48.
⁸ Гадамер Г.-Г. Истина и метод. – М., 1988. – С. 345.
⁹ Там же. – С. 140.
¹⁰ Б. Спиноза. Этика, доказанная в геометрическом порядке / Спиноза Б. Изб. соч. – Минск: «Поппури», 1999. – С. 399.
¹¹ Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. – М.: Европа, 2007.
¹² Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. – М.: Европа, 2007. – С. 27.
¹³ Там же. – С. 29-30, С. 489-490.
¹⁴ Ф.Р. Анкерсмит. Возвышенный исторический опыт. – М.: Европа, 2007. – С. 34-35.
¹⁵ См. об этом там же. – С. 479.
¹⁶ Кезин А.В. Классический и современный идеалы научности // Ценности познания и гуманизация науки. – М. 1992. – С. 10-16.

Ю.С. ОБИДИНА

**МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ, ЧЕЛОВЕКА И ГРАНИЦ
ЕГО БЫТИЯ В РОССИЙСКОМ ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ**

В начале XIX в. гуманитарное познание формировалось как самостоятельное направление российской науки. Выступая зачинателями отечественной философии истории и культуры, русские исследователи были вынуждены заимствовать методологический арсенал у западных ученых. При этом они успешно осваивали важнейшие тенденции западной философско-гуманитарной мысли, глубоко вникая в ее методологическую сущность. Для многих из них заимствования не стали препятствием в разработке собственных оригинальных позиций¹.

Отечественные исследователи стремились подойти к разным направлениям анализа западной философии избирательно, отвергая одни познавательные установки и преобразуя другие. Выступая сторонниками объективного знания, они не могли ограничиться рассудочно-понятийным аппаратом. В ходе своих исследований они углубляют аксиологический подход к культуре и человеку, отстаивая правомерность мировоззренческих пристрастий, религиозных и нравственных установок самого аналитика.

Для русских исследователей главной в анализе была интеграция разума, религиозной веры и мировоззрения в процессе получения объективного знания. При этом они преодолевали односторонности рациональной логики, эмпирической очевидности, теологических установок. Им важнее было раскрытие внутреннего смысла бытия культуры, интуитивное «схватывание» целостных культурных форм, вчувствование в главный объект изучения – в человека. Отсюда – слабое разделение объекта и субъекта познания².

На Западе познавательные установки такого рода также существовали, например, среди философов романтического направления, позже – среди экзистенциалистов. Однако в целом на протяжении XIX-XX вв. эти позиции так и не стали определяющими в гуманитарном познании. В России, напротив, позитивистские и сциентистские подходы в течение длительного